

3 5

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

New York
Public Library
6th Ave. & 42 St.
New York 18, N.Y.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th St., New York 19, N. Y. Tel. CO. 5 - 5500

Гоголь и Щепкин

(150 лет со дня рождения автора «Ревизора»)

В июле 1832 года в Москве в доме С. Т. Аксакова был обед, на котором, среди других гостей, находился, когда-то крепостной человек графа Волькенштейна, в то время уже всей России известный актер М. С. Щепкин.

В семейные обеды и передние вечера бывали, и даже самому хозяину дома не известны. Гости в этот на всеобщее удивление, неизвестный, войдя в столовую, обратился к присутствующим с словами похвальной в то время малороссийской песни:

Ходит гарбуз на горлу,
Пыгается своего роду;
Ой, чи кивы, чи жарозы
Все роличч гарбузны...

Новый гость был некто иной как недавно приехавший в Москву Гоголь.

Так произошло встреча двух человек, которых с этого дня навек связало общее творчество. Одному из них было сум件ено создавать образы — другому давать этим образам плоть и кровь, являя их живыми людьми на сцене театра.

Драматург и актер дополняют друг друга. В Щепкине Гоголь нашел единомышленника, понявшего самые сокровенные движения души изображаемых им лиц.

Знакомство Гоголя с Щепкиным перешло в дружбу. Недаром Гоголь писал Щепкину в 1842 году: «Михайло Семенович! пишу к вам это письмо, чтобы оно служило документом в том, что все мои драматические сцены и отрывки, заключающиеся в 4 томе моих сочинений, принадлежат Вам, и вы можете давать их по своему усмотрению в свои бенефисы».

М. П. Погодину Гоголь признавался, что хотел бы отдать «милому Щепкину десять ролей в одной комедии; какую хочет, пусть такую и берет, даже может разом все играть». Щепкин действительно не только создал живой и навеки незабываемый образ городничего, но и переиграл роли во всех пьесах Гоголя: в «Женитьбе» он играл в разное время то Подколесина, то Кочкарева, в «Игроках» — Утешительного, в «Тужбе» — Бурдюкова, а в инсценировке «Мертвых душ» — Плюшкина.

Творчество Гоголя и Щепкина слилось в «Ревизоре». Комедия эта была сначала поставлена в Петербурге, где роль городничего играл Сосницкий. Постановка была не из первоклассных. Билеты на «Ревизора» брались на расхват, театр был полон, но автора преследовало негодование. Посылая «Ревизора» Щепкину, Гоголь писал с отчаянием: «...ознакомившись со здешней театральной дирекцией, я такое получил отвращение к театру, что одна мысль о тех приятностях, которые готовятся для меня еще и на московском театре, в силе удержать и поездку в Москву и попытку хлопотать о чем либо».

Голоса на публике, критиковали «Ревизора», призвали на чувствительного Гоголя столь удручающее впечатление, что он действительно вместо поездки в Москву, для постановки там «Ревизора» уехал за границу. «Все против меня. Чиновники пожимали и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня. Бранят и ходят на пьесу... уже находились люди, хлопотавшие о запрещении ее. Теперь я вижу, что значит быть комическим писателем. Малейший признак истины — и против тебя встают, и не один человек, а целые сословия». (Письмо Гоголя Щепкину от 29 апреля 1836 года).

В мае того же года, еще до отъезда за границу, Гоголь усиденно просил Щепкина взять на себя всю постановку «Ревизора» на московской сцене; «Сами вы, без сомнения, должны взять за городничего, иначе она без вас про-

падет». Однако, администрация театра отдать режиссуру комедии Щепкину не согласилась. Тщетно Щепкин умолял Гоголя лично приехать в Москву и самому прочитать пьесу актерам. Тщетно утешал он Гоголя, считавшего, что в Петербурге его пьеса провалилась. — «Со стороны же публики», писал Щепкин, «чем более будет на вас злиться, тем более я буду радоваться, ибо это будет значить, что она разделяет мое мнение о комедии, и вы достигли своей цели. Вы сами лучше всех знаете, что ваша пьеса более всякой другой требует, чтобы вы прочли ее нашему начальству и действующим. Вы это знаете, и не хотите приехать. Бог с Вами!.. вы должны это сделать для комедии, вы должны это сделать по совести, вы должны это сделать для Москвы, для людей вас любящих... вы твердо знаете, что вы нам нужны, и не хотите приехать. Воля ваша, это — эгоизм». У Щепкина, как он сам писал, было одно желание «зацеловать» Гоголя: — «Чтоб это исполнить, я привел бы всю Москву в движение».

Одновременно Щепкин приехал и к Пушкину, прося его повлиять на Гоголя и уговорить приехать в Москву. Озлобление петербургской публики было, повидимому, действительно велико. 5 мая 1836 года Пушкин писал жене: — «Пошли ты за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актера Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву, прочесть «Ревизора». Без него актерам не спеться. С мое стороны я тоже советую: не налобно, чтоб «Ревизор» упал в Москве, где Гоголя более любят, чем в Петербурге».

Никакие просьбы не помогли, и Гоголь уехал из России.

Постановка «Ревизора» в Москве дирекцией театра была проведена небрежно, равнодушно или даже скорее «с затаенным нерасположением». Однако, спектакль, благодаря участию в нем Щепкина, оказался сплошным триумфом, огромным событием культурного значения.

В. Голицын в театральных воспоминаниях писал, что два дня жизни городничего Щепкин сумел обратить в целую биографию «жадного, чиновного волка с лисьей повадкой». «Другие актеры изображали городничего то грубым деспотом, то наполовину выжившим из ума простодушным стариком, то самодуром, то человеком «себе на уме», мечтающим о карьере. Щепкин был всеми лицами одновременно. В настоящем его городничего ясно проступало и все его прошлое и даже будущее. Образ был живым, полным значения».

Щепкину принадлежит ставшее после него традиционным обращение слов «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!» к публике, а не к актерам, как было первоначально задумано автором.

Гоголь вместо личного руководства постановкой и игрой артистов давал свои интересные разъяснения Щепкину письменно. Щепкин же, как другу, жаловался Гоголю на тяжелую судьбу русского актера, которому дирекция не давала материала, достойного художественной обработки. Роль Хлестакова Гоголь признавал «труднейшей», какой она и остается до наших дней. Гоголь так пазьяснял ее в посланиях к Щепкину:

«Боже сохрани, если ее будут играть, как играют хвастунов и повес театральных. Он просто глуп, болтает, потому только, что видит, что его расположены слушать; врет, потому что плотно позавтракал, и выпил порядочного вина. Вертясь он тогда только, когда подъезжает к дамам. На сцену, в которой он завирзется, обратит особенное внимание. Каждое слово его, то есть фраза, или речение, есть экспромт совершенно неожиданный, и потому должно выражаться

отрывисто. Не должно упустить из виду, что к концу этой сцены начинает его малопомалу разбирать. Но он все не должен шататься на стуле; он должен только раскраснеться и выражаться еще неожиданнее и, чем далее, громче и громче. Я сильно боюсь за эту роль... для нее нужен решительный талант». (20 мая 1836 г.)

Не менее ценные указания давал Гоголь Щепкину относительно ролей Бобчинского и Добчинского, Кочкарева в «Женитьбе» и многих других.

В письмах Гоголя от 1846 года, когда он задумал добавить к «Ревизору» развязку, толкующую фигуры чиновников, как мистическое олицетворение разных пороков, можно уже заметить зачатки религиозной мании, погубившей Гоголя. Постановка «Ревизора» должна была быть делом «богоугодным». Сосницкому должно быть «стыдно и не в христианском духе иметь такое гордое мнение о своей безошибочности»... В это время выходят уже «Выбранные места из переписки с друзьями», восставшие против Гоголя многих. Щепкину Гоголь пишет о «богоугодном» деле постановки развязки «Ревизора». Тот долго, на целых три письма, ничего не отвечает и, наконец, раздражается горячими и горестными протестами и упреками.

— «На первые три письма ваши я не отвечал... прочтя ваше окончание «Ревизора», я бесился на самого себя, на свой близорукый взгляд, потому что до сих пор я изучал всех героев «Ревизора» как живых людей... отнять их у меня и всех вообще — это было бы действие бессовестное. Чем вы их мне замените? Оставьте мне их, как они есть. Я их люблю; люблю со всеми слабостями, как и вообще всех людей... это люди настоящие, живые, между которыми я вырос и почтл состарился... с этими я в десять лет совершенно сроднился, и вы хотите отнять их у меня. Нет, я их вам не дам! Не дам, пока существую. После меня переделайте хоть в козлов, а до тех пор я не вступлю вам Держиморды, потому что и он мне дорог». Гоголь отвечал на это, что Щепкин его не понял и что: «Видно Бог не велит мне заниматься театром».

Такова вкратце история сотрудничества двух великих талантов, взаимно дополнявших друг друга.

Переписка Гоголя со Щепкиным занимает период 1836-1847 гг. Много в этой переписке и метких мудрых замечаний на разные темы. По поводу выхода «Мертвых Душ» Щепкин замечает: — «Они разбухли Русь... Но грустно то, что непременно надо толкнуть, а без того мы сами мертвые души».

— «Публика», пишет Гоголь, «почти то же, что застенчивая и неопытная кошка, которая до тех пор, пока ее, взявши за уши, не натолкнешь мордой в совс, и покамест этот совс не вымазал ей нос и губы, она до тех пор не станет есть совса, каких ни чти ей заставлений!» или: — «Благодарите Бога за всякие препятствия. Они необыкновенному человеку необходимы: Вот тебе бревен под ноги, — прыгай! А не то подумают, что у тебя кривой шаг, и не могут вовсе растопыриваться ноги».

Щепкин был, как говорят, замечательным рассказчиком. Из его рассказов взял Гоголь некоторые подробности посещения Бетришева. Из Щепкинских же рассказов взята история кошки. Используемая Гоголем в «Старосветском Помещике».

Щепкин был много старше Гоголя, но ему выпало на долю хлопотать об освобождении из-под цензурного запрета после смерти Гоголя второго издания его сочинений. Исключительно и только в памяти Щепкина сохранилось указание на существовавшие замыслы Гоголя написать комедию «Владимир 3-ей степени» и пьесу из истории Украины.

Когда мы вспоминаем о Гоголе, в мыслях наших рядом с ним встает и образ Щепкина.

Е. Грот